

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Домашний арест в системе мер пресечения»

Обучающийся

В.В. Анищик

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Н.А. Блохина

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Актуальность исследования. В современных условиях, законодательство в отношении домашнего ареста имеет ряд недостатков: отсутствует определение понятия данного института, нечетко определены условия, основания и порядок его применения, что приводит к различным интерпретациям и ошибкам в правоприменении.

Цель исследования – изучение актуальных проблем применения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также, разработка предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Задачи исследования:

- дать общую характеристику домашнего ареста в системе мер пресечения;
- охарактеризовать процессуальный порядок избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста;
- выявить проблемные аспекты применения домашнего ареста как меры пресечения.

Структура выпускной квалификационной работы включает введение, три главы, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общая характеристика домашнего ареста в системе мер пресечения .6	
1.1 История возникновения и развития меры пресечения в виде домашнего ареста в России.....	6
1.2 Понятие и сущность домашнего ареста как меры пресечения в уголовном судопроизводстве России	11
Глава 2 Процессуальный порядок избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста	17
2.1 Основания и условия применения домашнего ареста	17
2.2 Порядок избрания и отмены меры пресечения в виде домашнего ареста.....	23
Глава 3 Проблемные аспекты применения домашнего ареста как меры пресечения	31
3.1 Ограничения и запреты, применяемые в отношении обвиняемого (подозреваемого) при избрании домашнего ареста.....	31
3.2 Проблемы применения домашнего ареста и предложения по их решению.....	36
Заключение	46
Список используемой литературы и используемых источников	49

Введение

Актуальность темы исследования. В последние годы наблюдается целый ряд законодательных изменений, направленных на более индивидуализированный подход к уголовному судопроизводству. В целом, в современных реалиях наблюдается тенденция к увеличению использования альтернативных мер государственного принуждения в уголовном процессе, одной из таких мер является домашний арест, который становится все более распространенной практикой.

Введение института домашнего ареста в систему мер пресечения стало ответом законодателя на необходимость оптимизации практики применения заключения под стражу в отношении тех лиц, которые впервые совершили преступления небольшой или средней тяжести, и имеет положительную характеристику.

В современных условиях, законодательство в отношении домашнего ареста имеет ряд недостатков: отсутствует определение понятия данного института, нечетко определены условия, основания и порядок его применения, что приводит к различным интерпретациям и ошибкам в правоприменении.

Цель исследования – изучение актуальных проблем применения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также, разработка предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Задачи исследования:

- дать общую характеристику домашнего ареста в системе мер пресечения;
- охарактеризовать процессуальный порядок избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста;
- выявить проблемные аспекты применения домашнего ареста как меры пресечения.

Объект исследования – общественные отношения, связанные с применением меры пресечения в виде домашнего ареста.

Предмет исследования – система правовых норм, регламентирующая домашний арест, научные труды исследователей вопросов применения домашнего ареста, материалы правоприменительной практики в данной сфере.

Теоретическую основу исследования составили научные труды отечественных ученых по анализируемым вопросам, в частности, таких авторов, как И.М. Горбатых, А.Б. Диваев, К.Т. Дюзбаева, Н.Ю. Емельянова, А.С. Кожемякина, Ю.В. Кузнецова, И.В. Макеева, Д.С. Матерухина, Г.Г. Небрятенко, В.М. Харзинова, Н.В. Попова, Е.Г. Рязанцева, М.Н. Рядинская, Е.Ф. Лукьянчикова, В.В. Самокаева, и других.

Нормативную основу исследования составили положения Конституции РФ [10], УПК РФ, ряда иных нормативных актов.

Методологическую основу исследования составляют общенаучный диалектический метод, а также сравнительно-правовой, формально-логический, и другие частно-научные методы исследования правовых явлений.

Структура выпускной квалификационной работы включает введение, три главы, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика домашнего ареста в системе мер пресечения

1.1 История возникновения и развития меры пресечения в виде домашнего ареста в России

Существуют различные мнения исследователей в отношении истории появления такой меры пресечения, как домашний арест. Одна точка зрения отражает его инновационность, признавая новеллой современного российского права [19, с. 78], другие исследователи указывают на его длительную историю. Так, А.В. Тарабукина в доказательство своей позиции устанавливает следующие признаки домашнего ареста в том, что «когда к обвиняемым знатного происхождения приставляли пристава для надзора. Поднадзорные при этом находились у себя в жилище. Таким образом, хотя название рассматриваемой меры не встречалось, но впервые в истории России обнаруживается значимый признак домашнего ареста: наличие надзора со стороны должностных лиц органов государственной власти за правонарушителем, которому предписывалось не покидать пределы своего дома, уже в то время появились зачатки формы контроля, которая известна сегодня – контроль без применения технических средств, осуществляемый путем постоянного наблюдения за обвиняемым» [36, с. 37].

По мнению С.В. Васильева, «первое упоминание о домашнем аресте содержалось в ст. 878 тома 15 Свода законов 1832 г., где данная мера пресечения использовалась в отношении лиц, обвиняемых в совершении нетяжких преступлений» [5, с. 37].

Как отмечает А.Ф. Кистяковский, «издание Свода законов есть важная эпоха в истории нашего законодательства вообще и судопроизводства в частности. С изданием Свода законов не было внесено перемен в наши учреждения; дух закона остался тот же самый, как и до издания. Тем не менее, этой законодательной работой сделано было много: все действующие законы

приведены в известность, расположены в систему по предметам, подведены, хоть в слабой степени, под известные начала. Свод законов предусматривал, что при избрании меры пресечения, в том числе и домашнего ареста, необходимо учитывать такие обстоятельства, как причастность лица к совершению преступления, тяжесть преступления, звание обвиняемого и большее или меньшее подозрение в намерении совершить побег» [13, с. 134].

В 1864 г. был принят Устав уголовного судопроизводства, который значительно расширил сферу применения мер пресечения. Так, в ст. 416 данного Устава, помимо традиционного помещения под стражу, были предусмотрены еще четыре альтернативные меры процессуального принуждения, которые суд мог применять в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Среди них особое внимание уделялось таким мерам, как надзор, порука, возможность внесения залога и домашний арест, который позволяла ограничить свободу передвижения обвиняемого, не прибегая к более строгим мерам, таким как тюремное заключение.

В ст. 417 и 418 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. были определены основания для выбора меры пресечения. При этом, «домашний арест отличался тем, что обвиняемый или подозреваемый находился в условиях своего жилья, однако под постоянным контролем и наблюдением представителя полиции. Надзор за лицом, находящимся под домашним арестом, осуществлялся круглосуточно» [1, с. 17]. Это означало, что жандарм или другой полицейский служащий фактически проживал в доме подозреваемого на протяжении всего времени следствия. Такая форма ограничения свободы создавала значительные неудобства как для обвиняемого, так и для его семьи, а также для самого следственного процесса. В этой связи, исследователи отмечают, что «применялась эта мера крайне редко – в случаях тяжелой болезни обвиняемого или его исключительного положения» [1, с. 18].

Выбор меры пресечения в форме домашнего ареста основывался на положениях, изложенных в ст. 417 и 418 Устава уголовного судопроизводства

1864 г. Эта мера считалась достаточно строгой, и ее применение было ограничено определенными условиями. В частности, домашний арест мог быть назначен только в тех случаях, когда обвиняемый совершил преступление, за которое законодательство предусматривало более серьезные наказания, такие как тюремное заключение, ссылка с лишением всех прав или направление в арестантские отделения. Следует отметить, что в общем случае совершение менее тяжких преступлений не могло служить основанием для применения домашнего ареста. Тем не менее, существовали некоторые исключения из этого правила. Например, «в случаях, когда обвиняемый не имел постоянного места жительства, следователь или суд имели право выбирать любую меру пресечения, независимо от степени тяжести совершенного правонарушения» [4, с. 39].

Советский законодатель воспринял наработки дореволюционного уголовного процесса. Как отмечают исследователи «в УПК РСФСР 1922 г. были закреплены пять видов мер пресечения: от подписки о невыезде до заключения под стражу. Согласно установленным правилам, применение любой меры пресечения возможно только после возбуждения уголовного дела. Однако, в некоторых исключительных ситуациях закон допускал применение мер даже до того, как обвинение было официально предъявлено. Процесс выбора меры пресечения оформлялся специальным постановлением следователя, что придавало этому действию формальный характер. Кроме того, прокурор имел право предложить следователю изменить уже избранную меру пресечения на другую, более подходящую в конкретной ситуации. В случае, если следователь не соглашался с предложением прокурора, вопрос о замене меры пресечения передавался на рассмотрение суда» [1, с. 19]. Данные положения закона подчеркивали, что указания прокурора по данному вопросу не имели обязательного характера для следователя, что позволяло последнему сохранять определенную степень независимости в принятии решений.

Как отмечают исследователи, «содержание меры пресечения в виде домашнего ареста раскрывалось предельно кратко. Так, согласно ст. 160 УПК

РСФСР 1922 г., домашний арест заключался в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому, с назначением стражи или без таковой. Отмена данной меры пресечения могла произойти, если в ней отпадала необходимость. Кроме этого, любая мера пресечения могла быть изменена по мотивированному постановлению следователя или по определению суда, если данная мера избиралась судом» [4, с. 37].

В УПК РСФСР 1923 г. были внесены определенные изменения, касающиеся порядка назначения и выбора данной меры пресечения. Так, «ст. 148 УПК РСФСР 1923 г. была дополнена примечанием, которое устанавливало, что предложения прокурора о замене меры пресечения на более мягкую должны были быть обязательными для следователя» [1, с. 19]. В случае несогласия с предложением прокурора, следователь имел возможность опротестовать его, но только через суд, и при этом он обязан был сначала исполнить указание прокурора. Также была дополнена норма, посвященная отмене или изменению меры пресечения: если мера пресечения была назначена прокуратурой (ст. 148 УПК РСФСР 1923 г.), то отмена или изменение этой меры могли последовать лишь по определению прокурора (ст. 161 УПК РСФСР 1923 г.).

В этот период применение домашнего ареста стало более востребованным. А.В. Тарабукина отмечает, что «в период 1922-1923 г.г. существовала практика применения домашнего ареста к обвиняемым (подозреваемым), в отношении которых были все основания для избрания меры пресечения «заключение под стражу», независимо от тяжести совершенного преступления, в том числе и к подозреваемым (обвиняемым) в убийстве» [36, с. 37].

В Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. анализируемая мера пресечения не упоминалась. Она также не была включена в УПК РСФСР 1960 г. Эта ситуация, по всей видимости, была связана с усилением карательно-репрессивного направления уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики государства в

послевоенный период. После смерти И.В. Сталина в 1953 г. десятки тысяч заключенных, в том числе и рецидивисты, которые отбывали долгие сроки за тяжкие преступления, были освобождены. Это массовое освобождение резко усугубило криминогенную обстановку в стране, что, в свою очередь, вынудило законодателей принимать меры по ужесточению уголовно-правовой политики. Суды активно применяли лишение свободы, при этом большинство совершаемых тяжких и особо тяжких преступлений требовали заключения обвиняемых под стражу, учитывая их преступный опыт и криминогенную направленность. Тем не менее, отечественные исследователи неоднократно заявляли о необходимости вернуть данную меру пресечения, особенно в период, последовавший после распада Советского Союза.

Возвращению домашнего ареста в перечень мер пресечения способствовала и гуманизация уголовно-исполнительной политики, прослеживаемая с принятием УК РФ [39], предусмотревшего 8 видов наказаний, не связанных с лишением свободы.

Действующий УПК РФ в ст. 107 закрепил меру пресечения в виде домашнего ареста. Федеральным законом от 11 февраля 2011 г. № 7-ФЗ в ст. 107 УПК РФ были внесены изменения, согласно которым, в частности, была установлена процедура продления сроков домашнего ареста, предельные сроки его применения.

Можно сформулировать общий вывод, что в дореволюционный и советский периоды домашний арест ассоциировался с лишением свободы, поскольку предусматривал постоянный надзор за обвиняемым в жилище. Данная мера пресечения не смогла стать востребованной и широко применяемой, а в после принятия УПК РСФСР 1960 г. и вовсе была исключена из перечня мер пресечения. Значительное развитие институт домашнего ареста приобрел в период с 2002 г., его реформирование продолжается и в настоящее время, что объясняется наличием целого ряда правоприменительных проблем.

1.2 Понятие и сущность домашнего ареста как меры пресечения в уголовном судопроизводстве России

В ст. 107 УПК РФ сформулировано понятие домашнего ареста: «домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля» [38].

Как справедливо отмечает Ю.А. Щербакова, «в настоящее время как в отечественном законодательстве, так и в юридической доктрине, отсутствует комплексное определение понятия домашнего ареста, детально отображающее его правовую природу, признаки, задачи и цели» [42, с. 245].

Т.В. Седых указывает, что «домашний арест представляется как ограничение свободы передвижения личности, к которой применена данная мера пресечения, пребывании его в собственном жилом доме, запрете оставлять свое жилище» [35, с. 18].

А.Б. Диваев определяет «домашний арест в качестве меры пресечения, ограничивающей свободу передвижения конкретного лица и содержащей запрет на общение и переговоры с какими-либо лицами» [9, с. 29].

По мнению И.М. Горбатовых, «домашний арест – ограничение свободы конкретного лица в виде полной либо частичной изолированности его от общества, предусматривая при этом запрет на общение» [8, с. 212].

Для более глубокого понимания сущности домашнего ареста как меры пресечения важно выделить его основные признаки и характерные черты, которые отличают его от других видов уголовно-процессуального принуждения.

Как отмечает И.М. Горбатовых, «домашний арест имеет специальные цели

и обоснования для своего применения, что делает его важным инструментом в системе правосудия. Его назначение должно основываться на фактическом и обоснованном подходе, который учитывает обстоятельства, установленные законом, и которые обосновывают выбор именно этой меры» [8, с. 212].

Кроме того, домашний арест обладает императивным характером, что подразумевает обязательность его применения в определенных ситуациях. Основания для выбора данной меры пресечения должны быть общими и не иметь специфических условий, что обеспечивает их универсальность и справедливость.

Также важно отметить, что возможность применения домашнего ареста возникает только после возбуждения уголовного дела.

Исследуемая мера пресечения назначается в случаях, когда иная, более мягкая мера пресечения в силу определенных обстоятельств быть избрана не может (ч. 1 ст. 107 УПК РФ).

Правовая сущность меры пресечения в виде домашнего ареста определяется кругом правоограничений, которые обязан исполнять подсудимый, постоянно находясь по месту проживания (регистрации), также допускается содержание подсудимого в лечебном (медицинском) учреждении, исходя из состояния его здоровья (ч. 1 ст. 107 УПК РФ).

Дифференцированность подхода к выбору определенного объема правоограничений обуславливает, что в расчет должны быть взяты объективные факты, основанные на оценке личности, его готовности к совершению новых преступных деяний, допускает возможность причинения вреда и нарушения права на обеспечение безопасности всем участникам уголовного процесса, либо при наличии опасности причинения вреда (уничтожения) доказательств, доказательственной базы или воспрепятствования уголовному производству.

Между тем, запрет на покидание места проживания (регистрации) и контакты любого рода со всеми участниками уголовного процесса нельзя назвать безусловно полным с точки зрения его обеспечения, в виду того, что

сохраняются контакты подсудимого с родственниками (поскольку чаще всего они проживают совместно), а также иными третьими лицами (медицинские работники, аварийно-спасательные службы, и т.д.).

Мера пресечения в виде домашнего ареста сложна в исполнении по причине отсутствия эффективного контроля со стороны соответствующих должностных лиц, в частности речь идет об инспекторах уголовно-исполнительной инспекции. Теория уголовного процесса, а также уголовного и уголовно-исполнительного права предлагает в качестве решения использовать возможность установления постоянной охраны как за подсудимым, так и местом его пребывания. В такой ситуации, не исключая личностного подхода, следует определить различные формы домашнего ареста – «домашний арест с полной изоляцией подсудимого и назначением стражи и частичная изоляция без назначения стражи» [41, с. 197].

Напротив, А.С. Кожемякина считает, что «установление круглосуточной охраны арестованного нецелесообразно, так как это связано со значительными материальными и организационными издержками и вряд ли оправданно, поскольку для содержания подозреваемого или обвиняемого под стражей существуют специальные учреждения» [10, с. 203]. В качестве исключения данный автор выделяет «ситуации, когда домашний арест – вынужденная мера пресечения к определенным категориям обвиняемых, в отношении которых недопустимо использовать изоляцию в виде заключение под стражу, невзирая на их высокую степень общественной (речь идет о случаях, когда подозреваемый страдает общественно опасным заболеванием, несущим угрозу для других)» [14, с. 204].

Установление меры пресечения в виде домашнего ареста с установлением контроля за порядком ее исполнения по месту жительства подсудимого весьма оправданная новелла, однако препятствием к тому служит тот факт, что сам процесс ее исполнения по-прежнему будет присущ уголовно-исполнительным инспекциям. В настоящее время, во-первых, к этому нет соответствующих правовых оснований, во-вторых, практическая

его реализация невозможна ввиду недостатка сотрудников для исполнения существующих альтернатив, не говоря о назначении их в качестве стражи. Как отмечают исследователи, «если даже предположить посменную круглосуточную организацию стражи в рамках взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с МВД России (в частности участковыми уполномоченными полиции и инспекторами уголовно-исполнительных инспекций), то к этому в настоящий момент нет правовых оснований» [2, с. 129].

В отношении подсудимого также может быть избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, предусматривающая запрет контактировать с определенными субъектами посредством всех видов почтово-телеграфной связи, сети «Интернет», а также иных информационно-телекоммуникационных сетей. Такие ограничения могут сразу иметь место быть в резолютивной части судебного решения, а могут быть наложены отдельно, как дополнительное объективно необходимое ограничение с учетом поведения лица. Предусматривается и обратный порядок снятия указанных ограничений, в период исполнения меры пресечения, когда запрет был назначен сразу и тогда, когда его назначение, как и снятие, приходится на период исполнения домашнего ареста. Как отмечают исследователи, «фактически, не вдаваясь в сущность терминов – запрет и ограничение – очевидно, что их этимологическая природа разучена и исходит не только из основ правового регулирования, но и критериях применения и порядка их применения. Так, запрет предусматривает полное лишение подсудимого права (свободы), о чем говорится в ч. 7 ст. 107 УПК РФ, при этом ограничение предполагает лишь частичное наложение каких-либо правовых возможностей» [33, с. 314].

По мнению Н.Ю. Емельяновой, «под ограничением следует понимать неполное, частичное запрещение каких-либо действий или деятельности, запрет – это полное запрещение этих же действий, деятельности» [11, с. 283].

Анализ судебных решений показывает, что суды, как правило, не

стремятся углубляться в этимологию терминов «ограничение» и «запрет», и рассматривают их как синонимы. Например, в одном из решений суд указал на необходимость назначения домашнего ареста для К. Однако, несмотря на формулировку о запрете, на практике право подсудимого было лишь ограничено. Это связано с тем, что любой другой человек, который мог временно проживать в квартире К., имел возможность свободно общаться с ним, что фактически ставило под сомнение жесткость установленного ограничения. Далее, устанавливая дополнительные запреты, суд указывает: «осуществление надзора за соблюдением вышеуказанных ограничений возложено...» [32]. В данном случае суд использует термины «запрет» и «ограничения» в качестве синонимов, что противоречит положениям уголовно-процессуального закона.

В данной связи можно отметить, что наложение ограничений является не карательной мерой, а лишь необходимостью для реализации изоляции от общества.

Кроме установленных ограничений и запретов, ч. 7 ст. 107 УПК РФ также предписывает наложение определенных обязанностей при применении меры пресечения в виде домашнего ареста, что в частности, включает в себя использование технических средств контроля.

Как отмечает О.Г. Часовникова, «обязанности по установке и техническому обслуживанию этих устройств возлагаются на сотрудников уголовно-исполнительной инспекции. Применение домашнего ареста не исключает обязательства подсудимого являться в здание уголовно-исполнительной инспекции для регистрации, что также является важной частью контроля за соблюдением условий ареста. Эти дополнительные обязанности подчеркивают карательный характер меры пресечения в виде домашнего ареста и свидетельствуют о том, что она не является простой формой ограничения свободы» [41, с. 197]. Вместо этого, они становятся неотъемлемой частью исполнения судебного решения, что позволяет обеспечить надзор за соблюдением условий ареста. При этом для наложения

указанных обязанностей не требуется отдельного судебного решения, что дополнительно акцентирует внимание на строгости и обязательности выполнения данных требований [41, с. 198].

По итогам проведенного в данной главе выпускной квалификационной работы исследования можно сформулировать общий вывод, что сущность анализируемой меры пресечения заключается в ограничении прав и свобод обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления. Данная мера позволяет сохранить право проживания в собственном доме с определенными запретами и ограничениями. Место, где будет исполняться домашний арест, выбирается на основании судебного решения, при этом суд обязан учитывать состояние жилья, наличие возможных проблем и другие важные обстоятельства.

Домашний арест как мера пресечения имеет общие черты с другими институтами, предусмотренными отечественным законодательством. Домашний арест позволяет лицу, находящемуся под следствием, в большей степени сохранять свои права, особенно на этапе досудебного расследования. В целом, данная мера пресечения обеспечивает баланс между необходимостью ограничения свободы и уважением к правам личности.

Глава 2 Процессуальный порядок избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста

2.1 Основания и условия применения домашнего ареста

Меры пресечения, установленные УПК РФ, всегда связаны с ограничением личной свободы граждан, и могут применяться только при наличии обоснованных оснований и условий, что позволяет избежать возможных злоупотреблений правами и свободами граждан. Конкретный выбор меры пресечения должен основываться на множестве факторов, которые необходимо учитывать в каждом отдельном случае, чтобы обеспечить справедливость и законность.

Как отмечают исследователи, «УПК РФ не предоставляет ясной легальной дефиниции оснований. Тем не менее, с точки зрения уголовно-процессуального законодательства, основания представляют собой фактические данные, которые указывают на совершение преступления конкретным лицом. Эти данные могут включать в себя различные свидетельства, которые указывают на вероятность уклонения подозреваемого от судебного разбирательства или следственных действий. Кроме того, основания могут включать факты, свидетельствующие о совершении противоправных действий, которые могут помешать установлению истины в рамках уголовного дела. Например, если есть информация о том, что подозреваемый может уничтожить доказательства или оказать давление на свидетелей, это может служить основанием для применения более строгой меры пресечения» [42, с. 246].

По мнению Ю.В. Кузнецовой, «основанием избрания меры пресечения является имеющее основание предположение о возможности совершения процессуального нарушения со стороны обвиняемого. Данные основания являются едиными для избрания всех мер пресечения и перечисляются в ст. 97 УПК РФ» [15, с. 481].

Можно выделить два подхода в отношении оснований избрания мер пресечения.

Первый подход заключается в том, что «применение мер пресечения представляется возможным лишь при присутствии доказательств, которые подтверждают совершение преступного деяния и степень опасности преступника, а также доказательств, которые устанавливают возможность уклонения обвиняемого (подозреваемого) от следствия и суда, отбытия наказания, возможность препятствования установлению истины, совершения противоправных действий» [7, с. 59].

Второй подход предполагает «учет лишь тех оснований, которые предусмотрены УПК РФ, при этом, отпадает необходимость оценки доказательств, взятых за основу обвинения. Отнесение доказательств причастности к совершению преступного деяния не способствуют верному уяснению смысла и содержания закона» [16, с. 386].

Так, И.М. Горбатов понимает под основаниями избрания домашнего ареста «совокупность данных, которые характеризуют подозреваемого или обвиняемого и которые указывают на возможное процессуальное нарушение с его стороны» [7, с. 60].

И.В. Макеева считает, что под основаниями следует понимать «сведения, указывающие на: причастность лица к совершению преступления; возможное его противоправное поведение; иные обстоятельства, которые необходимо учитывать при избрании меры пресечения» [16, с. 387].

Все основания, на которых базируется применение мер пресечения, имеют прогностический характер, что означает, что они направлены на предсказание возможного поведения обвиняемого в будущем. Эти основания могут быть разделены на две категории: прямые и косвенные. В практике уголовного судопроизводства чаще всего встречаются именно косвенные основания, которые имеют определенные общие черты и могут быть применимы ко всем видам оснований.

К числу косвенных оснований можно отнести различные факторы, которые могут свидетельствовать о вероятности уклонения обвиняемого от уголовного преследования или нарушения условий, связанных с применением мер пресечения. Например, поведение и личная характеристика обвиняемого могут сыграть значительную роль в оценке его надежности. Также важным аспектом является наличие судимости, которое может указывать на склонность к преступной деятельности.

Кроме того, «систематическое совершение преступлений, нарушение ранее избранной меры пресечения, а также неявка по вызову без уважительных причин также являются весомыми косвенными основаниями. Длительное нахождение обвиняемого в розыске по другим делам и отсутствие постоянного места жительства также могут служить индикаторами его потенциальной опасности и склонности к уклонению от правосудия» [3, с. 152].

Основания избрания меры пресечения в виде домашнего ареста можно также разделить на общие и специальные.

По мнению О.Г. Часовниковой, «к числу общих оснований относятся:

- наличие возбужденного уголовного дела по факту совершения преступления;
- предъявление обвинения данному лицу в совершении преступления;
- в исключительных случаях – наличие подозрений в отношении данного лица в совершении преступления, которые подтверждаются материалами уголовного дела» [41, с. 195].

Специальные основания предусмотрены ст. 97 УПК РФ – это наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Далее, необходимо подробно раскрыть специальные основания применения меры пресечения в виде домашнего ареста:

- прямые доказательства, «указывающие на вероятность уклонения обвиняемого или подозреваемого от следствия, например, приобретение билетов или оформление заграничного паспорта; косвенные доказательства могут включать информацию о предыдущих попытках уклонения от ответственности – побег или оказание сопротивления при задержании» [16, с. 386];
- вероятность того, что «обвиняемый может продолжить свою преступную деятельность. В данном отношении основание для применения меры пресечения может основываться на показаниях соучастников или других свидетелей, которые могут утверждать, что обвиняемый имеет намерение продолжать совершать преступления» [16, с. 387];
- возможность угрозы со стороны обвиняемого участникам судебного процесса, а также риск уничтожения доказательств или иным образом вмешательства в ход уголовного дела. Это основание также имеет прогностический характер и может быть трудно определяемым. Тем не менее, вероятность такого поведения существует практически в каждом случае, где имеет место совершение преступления. В качестве непосредственного доказательства могут служить показания потерпевших, которые сообщают о полученных угрозах от обвиняемого.

Мера пресечения в виде домашнего ареста, как и любая другая, может быть избрана только при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, при невозможности избрания более мягкой меры пресечения.

Так, «отказывая в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении Н., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, меры пресечения в виде домашнего ареста, судья Автозаводского районного суда г. Тольятти

Самарской области указал, что органом предварительного расследования не представлено данных, свидетельствующих о том, что Н., находясь на свободе, может скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью, воспрепятствовать производству по делу, что является необходимым условием для домашнего ареста. При этом, Н. имеет постоянное место жительства, характеризуется положительно, его явка может быть обеспечена подпиской о невыезде» [20].

Вместе с тем, данные требования закона судами соблюдаются не всегда. Так, «избирая меру пресечения в виде домашнего ареста в отношении М., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, судья Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области указал следующее: органом предварительного расследования не представлено данных, что М. может скрыться, помешать установлению истины по делу, не судим, женат, имеет двоих несовершеннолетних детей. М. вину признал, а тяжесть преступления не может служить безусловным основанием для заключения под стражу. При этом оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, при наличии которых избирается данная мера пресечения, судья в постановлении не указал» [24].

Таким образом, под основаниями избрания меры пресечения в виде домашнего ареста следует понимать достаточную совокупность содержащихся в материалах уголовного дела фактических данных, позволяющих полагать, что подозреваемый, обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, продолжит заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Условия избрания и применения мер пресечения вытекают из возможности назначения и отбывания наказания.

И.В. Макеева «под такими условиями понимает обстоятельства, создающие правовую ситуацию, которая допускает возможность применения

меры пресечения. Такими условиями (обстоятельствами) выступают наличие возбужденного уголовного дела и привлечение лица в качестве подозреваемого или обвиняемого» [16, с. 388].

И.М. Горбатов считает, что «под условиями избрания меры пресечения в виде домашнего ареста следует понимать совокупность уголовно-процессуальных и фактических обстоятельств, позволяющих избрать данную меру пресечения и обеспечить законность такого избрания» [7, с. 61].

Можно согласиться с мнением Ю.В. Кузнецовой, что «под условиями применения домашнего ареста подразумеваются определенные обстоятельства, установленные законом. Отсутствие этих условий исключает возможность назначения данной меры пресечения» [15, с. 481].

Решение о назначении домашнего ареста должно приниматься исключительно в тех ситуациях, когда менее строгие меры пресечения не способны обеспечить должное участие обвиняемого в процессе расследования уголовного дела и судебного разбирательства.

В качестве примеров такой практики можно привести материалы уголовных дел, по которым в качестве меры пресечения применялся домашний арест. Так, в соответствии с решением суда, «домашний арест был избран в отношении И., обвиняемого по ч. 2 ст. 158 УК РФ, которое в соответствии с квалификацией является преступлением средней тяжести. Обвиняемый в целом характеризуется положительно, ранее не судим, проживает совместно с родителями, учится в среднем профессиональном учебном заведении, в содеянном полностью раскаялся и возместил ущерб в полном объеме» [27]. Воронежский областной суд избрал «домашний арест в качестве меры пресечения по отношению к А., обвиняемому в преступлении средней тяжести и имеющим III группу инвалидности» [21]. Ленинский районный суд г. Комсомольска-на-Амуре (Хабаровский край) постановил «избрать меру пресечения в виде домашнего ареста по отношению к К., обвиняемому в совершении особо тяжкого преступления, однако страдающего

туберкулезом, чье состояние оценивается, как очень тяжелое и жизненные прогнозы которого крайне неблагоприятны» [22].

Из рассмотренных примеров становится очевидным, что одним из наиболее значимых факторов, влияющих на решение о назначении меры пресечения в виде домашнего ареста, является состояние здоровья обвиняемого. Это обстоятельство может оказать существенное влияние на решение суда, особенно в случаях, когда речь идет о наличии серьезных заболеваний или других медицинских показаний, требующих особого внимания. Кроме того, важным аспектом, который суд должен принимать во внимание, является наличие у обвиняемого малолетних детей, престарелых родителей или других зависимых лиц. Учитывая такие обстоятельства, суд может принять решение о домашнем аресте, позволяя обвиняемому оставаться в кругу семьи и выполнять свои обязанности по обеспечению их нужд.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что при применении оснований и условий для назначения домашнего ареста необходимо строго следовать требованиям уголовно-процессуального закона. Суду следует внимательно оценивать все обстоятельства, касающиеся конкретного дела, и учитывать их в совокупности, что позволит принять законное и обоснованное решение, которое будет соответствовать как интересам правосудия, так и правам обвиняемого.

2.2 Порядок избрания и отмены меры пресечения в виде домашнего ареста

Статья 107 УПК РФ является отсылочной и указывает на порядок избрания домашнего ареста, который закреплен в ст. 108 УПК РФ.

Исследователи подразделяют порядок избрания домашнего ареста на два этапа: «первый этап – внесудебный, он включает процесс принятия следователем или дознавателем решения о возбуждении перед судом ходатайства об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого

домашнего ареста, второй этап – судебный, это процедура принятия решения об избрании меры пресечения в суде, то есть рассмотрение ходатайства следователя (дознателя)» [6, с. 32].

Внесудебный порядок, закрепленный в ч. 3 ст. 108 УПК РФ сопровождается принятием решения о вынесении постановления о возбуждении ходатайства об избрании домашнего ареста.

Досудебный порядок избрания домашнего ареста происходит следующим образом: следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство. При этом, «в постановлении о возбуждении ходатайства содержатся мотивы, основания избрания домашнего ареста и невозможность избрания иной меры пресечения, кроме того, к постановлению должны быть приложены материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства. Эти материалы должны соответствовать следующим критериям: достоверность и обоснованность» [35, с. 44].

Как отмечают исследователи, «первый этап избрания меры пресечения заключается в принятии решения следователя, дознавателя возбудить ходатайство об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. Следователь, дознаватель при подготовке документов при возбуждении ходатайства перед судом об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, также направляет их копии прокурору, как обязательному участнику процесса при избрании меры пресечения. Прокурор при подготовке к заседанию изучает представленные материалы и в судебном заседании дает заключение о возможности избрания меры пресечения в виде домашнего ареста» [35, с. 45].

Второй этап – судебный, на этом этапе происходит изучение представленных материалов судом. Статья 108 УПК РФ закрепляет обязательное участие «подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника», также в судебном заседании могут участвовать «законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого,

руководитель следственного органа, следователь, дознаватель. Данный перечень лиц дополняет п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41, который закрепляет «участие потерпевшего, его законного представителя, которые могут излагать свою позицию по рассматриваемому вопросу» [23].

Рассмотрев ходатайство, судья выносит постановление. Это может быть постановление об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, или об отказе избрания такой меры пресечения.

Важным вопросом при избрании домашнего ареста является срок, на который избирается данная мера пресечения и ее продление. Статья 109 УПК РФ содержит положения об «основных, предельных, исключительных и фактических сроках применения меры пресечения в виде домашнего ареста» [38]. При этом, «продление срока избрания домашнего ареста возможно только при наличии определенных оснований, таких как сложность, при расследовании преступления, исключительность случая или невозможность закончить расследование в установленный срок» [17, с. 182].

Исследователи отмечают, что «начало течения срока – день вынесения судебного решения, а продолжительность и момент окончания указываются судом в постановлении. Особенности исчисления срока домашнего ареста закреплены в ч. 2 ст. 107 УПК РФ, исходя из положения данной статьи, точное время избрания данной меры пресечения значения не имеет, поскольку срок исчисляется в месяцах и истекает в 24 часа последних суток месяца» [37, с. 231].

Практика показывает наличие судебных решений со сроком домашнего ареста, выходящего за пределы 2 месяцев, или вообще отсутствие даты окончания срока домашнего ареста. Так, «по материалу уголовного дела, в отношении Г. суд избрал домашний арест на срок 2 месяца и 1 сутки» [31]. По другому делу, «в отношении Ш. домашний арест был избран на срок с 21 сентября 2023 г., без указания окончания срока избранной меры пресечения» [29].

По мнению В.А. Федорова, «когда судом было вынесено постановление об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, данное правило может и должно быть учтено и при исчислении совокупного срока домашнего ареста и содержания под стражей. Возникает вопрос, как следует поступать, когда задержание лица в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ имело место, но освобожден подозреваемый был с избранием ему в качестве меры пресечения не заключения под стражу, а домашнего ареста. Домашнему аресту могло предшествовать и принудительное помещение лица в медицинский или психиатрический стационар по решению суда, и нахождение его под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его Российской Федерации в соответствии со ст. 460 УПК РФ. В законе не закреплено правило, согласно которому в срок домашнего ареста необходимо засчитывается время: на которое лицо было задержано в качестве подозреваемого; принудительного нахождения в медицинском или психиатрическом стационаре по решению суда; в течении которого лицо содержалось под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его Российской Федерации в соответствии со ст. 460 УПК РФ» [40, с. 162].

При этом, «в ситуации, когда лицо не было заключено под стражу в соответствии с положениями ст. 108 УПК РФ, срок домашнего ареста начинает исчисляться с момента, когда данная мера была официально избрана. На продолжительность этого срока не оказывает влияния тот факт, находился ли обвиняемый или подозреваемый ранее под задержанием в порядке, установленном ст. 91 и 92 УПК РФ, или же проходил ли он лечение в медицинском или психиатрическом стационаре для проведения судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы. Также не имеет значения, содержался ли он под стражей на территории другого государства в связи с запросом о правовой помощи или экстрадиции в Россию, как это предусмотрено ст. 460 УПК РФ. Таким образом, необходимо учитывать время,

в течение которого подозреваемый или обвиняемый фактически находился в состоянии лишения свободы в рамках уголовного процесса. Исходя из формулировки ч. 2.1 ст. 107 УПК РФ, время содержания под стражей определяется законодателем исключительно как мера пресечения, примененная к лицу, без учета других форм лишения свободы, которые могут иметь место в процессе» [42, с. 246]. В данной связи, предлагается изложить ч. 2.1 ст. 107 УПК РФ в следующей редакции: «В срок домашнего ареста засчитывается время содержания под стражей. Совокупный срок домашнего ареста и содержания под стражей независимо от того, в какой последовательности данные меры процессуального принуждения применялись, не должен превышать предельный срок содержания под стражей, установленный статьей 109 настоящего Кодекса».

УПК РФ установлены предельные сроки нахождения подозреваемого, обвиняемого под домашним арестом, так, максимальное продление его срока возможно до 6, 12 или 18 месяцев.

Суд может продлить срок домашнего ареста до 6 месяцев, только при невозможности закончить предварительное расследование в срок до двух месяцев, и если при этом нет оснований для изменения или отмены меры пресечения.

Так, например, «следователь обратился в суд с ходатайством о продлении срока содержания под домашним арестом обвиняемого Н., указывая, что срок домашнего ареста истекает, однако окончить предварительное следствие к указанному сроку не представляется возможным в связи с особой сложностью уголовного дела, обусловленной необходимостью выполнения большего объема следственных действий. В обоснование невозможности изменения меры пресечения на более мягкую следователь указал, что имеются достаточные основания полагать, что Н. может оказать давление на свидетелей, скрыться от органов предварительного следствия и суда. Кроме того, надо заметить, что Н. обвиняется в совершении умышленного тяжкого преступления коррупционной направленности. Суд

ходатайство следователя удовлетворил» [30].

Продление срока домашнего ареста до 12 месяцев возможно только при наличии оснований для избрания домашнего ареста в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких, особо тяжких преступлений, имеющих особую сложность.

Так, «следователь обратился в суд с ходатайством о продлении срока домашнего ареста обвиняемому Р. до 7 месяцев 06 суток, мотивируя свое ходатайство тем, что срок домашнего ареста истекает, однако необходимо выполнить требования ст. 221 УПК РФ. Оснований для отмены или изменения меры пресечения следователь не усматривает, обстоятельства, обуславливающие ее избрание, не изменились, применение к нему более мягкой пресечения невозможно поскольку, несмотря на то, что гражданин Р. ранее не судим, имеет семью и постоянное место жительства, прочные социальные связи и положительную характеристик, он обвиняется в совершении умышленного преступления, предусматривающую повышенную опасность, наказание за которое предусматривает лишение свободы на срок до семи лет» [26].

Продление срока содержания под домашним арестом до 18 месяцев допускается исключительно в особых случаях, когда отсутствуют основания для отмены или изменения меры пресечения.

Обратимся к судебной практике. Так, «по уголовному делу, возбужденному по факту совершения вымогательства имущества, следователь возбудил ходатайство об избрании в отношении гражданина Р. меры пресечения в виде домашнего ареста. Суд удовлетворил избрание данной меры пресечения.

В дальнейшем, в связи с нарушением условий избранной меры пресечения и оказанием давления на свидетелей по ходатайству следователя судом мера пресечения в отношении гражданина Р. изменена на заключение под стражу.

В данном случае, обвиняемый нарушил условия исполнения меры

пресечения, кроме того оказывал негативное воздействие на свидетелей – это и стало основанием изменения меры пресечения в виде домашнего ареста, на более суровую меру – заключение под стражу» [28].

При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста судья по собственной инициативе может избрать в отношении их более мягкую меру пресечения – в виде залога.

Как отмечают исследователи, «изменение меры пресечения на более строгую может произойти, если обвиняемый или подозреваемый предпринимает активные действия, препятствующие нормальному расследованию или судебному разбирательству по уголовному делу, или нарушает условия исполнения этой меры пресечения» [42, с. 247].

Об отмене или изменении меры пресечения полномочные лица, а также прокурор, судья выносят постановление, а суд – определение.

При этом, «мера пресечения, избранная в ходе досудебного производства следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора, может быть отменена или изменена только с согласия этих лиц.

Постановление об изменении либо отмене меры пресечения объявляется обвиняемому, также поручителям; командованию воинской части; родителям, опекунам, попечителям, должностному лицу специального детского учреждения; залогодателям; органу или должностному лицу, осуществляющему надзор за соблюдением ограничений при домашнем аресте» [40, с. 162].

Также В.А. Федоров отмечает, что «копия постановления направляется прокурору, осуществляющему надзор за предварительным расследованием. При объявлении обвиняемому (подозреваемому) постановления об изменении меры пресечения на более строгую, разъясняется порядок его обжалования» [40, с. 163].

Можно сформулировать общий вывод, что порядок избрания домашнего ареста условно можно разделить на два этапа:

- первоначально – принятие следователем или дознавателем решения о возбуждении перед судом ходатайства об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) домашнего ареста;
- затем следует непосредственная процедура принятия решения об избрании меры пресечения в суде, то есть рассмотрения ходатайства следователя (дознавателя).

Порядок отмены или изменения домашнего ареста, как меры пресечения, осуществляется в соответствии со ст. 110 УПК РФ, которая регулирует не только порядок отмены, изменения домашнего ареста, но и всех мер пресечения.

Глава 3 Проблемные аспекты применения домашнего ареста как меры пресечения

3.1 Ограничения и запреты, применяемые в отношении обвиняемого (подозреваемого) при избрании домашнего ареста

При избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения, в полномочия судьи входит установление ограничений или запретов в отношении подозреваемого, обвиняемого.

Как отмечают Г.Г. Небратенко и В.М. Харзинова, «к особенностям установления данных ограничений относится следующее:

- перечень ограничений и запретов, установленный ст. 107 УПК РФ, является исчерпывающим;
- суд может наложить на подозреваемого, обвиняемого только те ограничения и запреты, который предусмотрены ст. 107 УПК РФ;
- суд свободен в выборе ограничений и запретов, предусмотренных ст. 107 УПК РФ, т.е. он может подвергнуть подозреваемого, обвиняемого как всем запретам и ограничениям одновременно так и некоторым из них» [18, с. 53].

Как отмечают исследователи, «одним из ограничений, установленных ст. 107 УПК РФ, является запрет на выход за пределы жилого помещения для лиц, находящихся под домашним арестом. Однако в действующем законодательстве отсутствует четкое определение термина «изоляция от общества», что вызывает множество вопросов и затруднений. Кроме того, исключение слов «полная» или «частичная» перед упоминанием изоляции создает неопределенность относительно того, какая именно степень изоляции применяется к обвиняемым. В частности, это порождает вопросы о возможности покидания места исполнения меры пресечения. Например – разрешается ли обвиняемому или подозреваемому выходить из своего жилого помещения для прогулок, посещения магазинов или выполнения других

необходимых дел» [42. с. 247]. На данный момент законодательство не предоставляет ясных указаний по этому поводу, что создает правовую неопределенность.

Эта ситуация приводит к разнообразию в правоприменительной практике, что затрудняет работу судебных органов и создает неравные условия для различных лиц, находящихся под домашним арестом. В результате, одни обвиняемые могут столкнуться с более строгими условиями, чем другие, что подрывает принцип справедливости и равенства перед законом.

Как отмечают исследователи, «с учетом введения новой меры пресечения, которая включает в себя запрет выхода за пределы жилого помещения в определенные временные промежутки, можно сделать вывод, что при домашнем аресте должна применяться полная изоляция» [12, с. 155]. Это подразумевает, что лицо не имеет права покидать свое жилье, за исключением заранее установленных периодов для прогулок. В то же время, если речь идет о запрете выхода в определенные временные рамки, такая мера может рассматриваться как частичная изоляция.

Как справедливо отмечает В.А. Федоров, «действующее законодательство не требует обязательного исследования жилищных условий при назначении домашнего ареста, что приводит к ряду сложностей в применении системы электронного мониторинга для лиц, находящихся под контролем. Это особенно актуально в тех случаях, когда такие лица проживают в частных домовладениях или в квартирах с большой площадью. В таких ситуациях, зона действия стационарного контрольного устройства может оказаться значительно меньше, чем фактическая площадь жилого помещения, что создает дополнительные проблемы. Например, когда домашний арест назначается лицу, проживающему в частном доме, должностные лица, осуществляющие расследование, и суд часто не учитывают, что некоторые ключевые помещения, такие как туалет и баня, могут находиться вне основного жилого здания. Это приводит к тому, что на

пульт оператора системы мониторинга поступают уведомления о нарушении условий домашнего ареста, когда обвиняемый или подозреваемый просто использует баню или туалет, расположенные на улице» [40, с. 162].

Соответственно, «вышеуказанные обстоятельства подчеркивают необходимость более тщательной оценки жилищных условий при назначении домашнего ареста. Без учета специфики проживания лица, находящегося под контролем, могут возникать недоразумения и нарушения, которые не являются следствием умышленных действий. Важно, чтобы законодательство предусматривало возможность исследования жилищных условий, что позволит избежать подобных ситуаций и улучшить функционирование системы электронного мониторинга, что, в свою очередь, будет способствовать более справедливому и эффективному применению мер пресечения в уголовном процессе» [40, с. 163]. Изложенное позволяет сформулировать предложение о дополнении ст. 107 УПК РФ ч. 3.1 в следующей редакции: «Следователь, дознаватель, перед возбуждением ходатайства об избрании домашнего ареста в отношении подозреваемого или обвиняемого перед судом, или суд, избирая домашний арест по собственной инициативе, производят осмотр жилого помещения или иного места, избранного для содержания под домашним арестом, с целью удостоверения в том, что оно пригодно для проживания и в нем есть необходимые условия для исполнения домашнего ареста» [40, с. 163].

Также, как отмечают исследователи, «отсутствие в действующем законодательстве обязательного требования о получении согласия на назначение домашнего ареста в отношении обвиняемого или подозреваемого от лиц, проживающих с ним под одной крышей, а также от собственника жилого помещения, порождает множество проблем в правоприменительной практике» [3, с. 151].

Когда домашний арест назначается без учета мнения других жильцов или собственника, это может создать напряженность и конфликты в рамках совместного проживания. Люди, находящиеся в одном доме с обвиняемым,

могут чувствовать себя некомфортно и даже в опасности, что может негативно сказаться на их психоэмоциональном состоянии. Кроме того, такие обстоятельства могут ставить под сомнение законность и обоснованность применения домашнего ареста. Если правоохранительные органы игнорируют мнения других жильцов, это может восприниматься как нарушение их прав и свобод.

Например, «при осуществлении контроля за лицом, находящимся под домашним арестом, должностные лица могут посещать жилое помещение без предварительного согласия его обитателей. Это может вызвать недовольство и дискомфорт у членов семьи или других лиц, проживающих совместно с обвиняемым. Более того, такие действия могут восприниматься как вмешательство в личную жизнь и нарушение неприкосновенности жилища. Кроме того, в рамках контроля за соблюдением условий домашнего ареста могут вводиться ограничения, такие как запрет на использование сети Интернет или установка аудиовизуальных средств контроля в жилом помещении» [3, с. 152].

Таким образом, предлагается дополнить ч. 3 ст. 108 УПК РФ после слов «к постановлению прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства» фразой в следующей редакции: «а также оформленное в письменном виде согласие на избрание в отношении обвиняемого или подозреваемого домашнего ареста совместно проживающих с ним лиц и (или) собственника жилища» [3, с. 153].

Другой запрет – это запрет общения с определенными лицами. Согласно Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41, «запрещая подозреваемому или обвиняемому общение с определенными лицами или ограничивая его в общении, суд должен указать данные, позволяющие идентифицировать этих лиц» [23].

На практике, возникает вопрос о степени конкретизации накладываемых ограничений. Так, «Постановлением суда был продлен срок домашнего ареста в отношении В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного

ч. 3 ст. 291.1 УК РФ. При этом судья установил запрет на общение с конкретными 25 лицами, указав их анкетные данные» [25].

Анализ практики применения норм права показывает, что суды часто устанавливают запрет на общение с определенными категориями лиц, такими как другие обвиняемые, потерпевшие и свидетели. Однако подобные запреты обычно не содержат конкретных имен или фамилий, что создает определенные сложности как для правоприменителей, так и для самих обвиняемых. Это отсутствие четкости может приводить к путанице и затруднениям в интерпретации условий, что в свою очередь усложняет процесс соблюдения этих запретов.

При этом следует отметить, что суд не имеет права полностью изолировать подозреваемого или обвиняемого от общения с его защитником или законным представителем. Обвиняемый должен иметь возможность свободно общаться с теми, кто представляет его интересы, как в личной встрече, так и через телефонные или другие средства связи.

Согласно ч. 13 ст. 107 УПК РФ, закон допускает свободное посещение арестованного на дому указанными участниками процесса, что подразумевает, что общение с защитником и законным представителем не должно подвергаться ограничениям. Таким образом, в рамках домашнего ареста обвиняемый сохраняет право на защиту, что является важным аспектом обеспечения справедливого судебного разбирательства.

Такие запреты, как отправка и получение почтово-телеграфных отправлений и использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» можно объединить, поскольку они оба затрагивают право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Рассматриваемые ограничения реализуются при взаимодействии дознавателя, следователя с органами связи.

3.2 Проблемы применения домашнего ареста и предложения по их решению

Как отмечают исследователи, «процедура применения домашнего ареста представляет собой более сложный процесс по сравнению с заключением под стражу или даже с залогом, и это связано не столько с порядком его избрания, сколько с особенностями исполнения. При назначении заключения под стражу возникают определенные организационные трудности, однако после того как мера принята, лицо полностью изолируется от общества и помещается в следственный изолятор» [40, с. 163]. В этом случае исполнение меры пресечения можно охарактеризовать как статичное: обвиняемый находится в одном и том же месте, и нет необходимости в дополнительном контроле за его поведением.

Ситуация с домашним арестом, напротив, требует более внимательного подхода к исполнению. Так, «хотя процедура его избрания схожа с порядком назначения заключения под стражу, на этапе исполнения возникают значительные сложности. После того, как суд принимает решение о применении домашнего ареста, возникает необходимость в контроле за поведением лица, находящегося под этой мерой пресечения» [2, с. 131]. Даже если лицо изолировано полностью или частично от общества, существует риск, что оно может нарушить возложенные на него обязательства. Это нарушение может быть выявлено только в случае, если правоохранительные органы установят факт нарушения.

Таким образом, для эффективного исполнения домашнего ареста крайне важен постоянный и систематический контроль со стороны правоохранительных органов. Так, «в отличие от подписки о невыезде, которая требует лишь соблюдения определенных условий, домашний арест подразумевает обязательный и активный контроль за поведением обвиняемого» [34, с. 264].

Сложности, связанные с организацией надзора за домашним арестом,

становятся особенно очевидными при анализе процедур, предлагаемых научным сообществом. Одним из самых трудоемких и неэффективных подходов является система, «в рамках которой надзор за соблюдением установленных ограничений и запретов осуществляется в двух формах: процессуальной и внепроцессуальной. Такой порядок, по сути, больше напоминает самостоятельное расследование в рамках уголовного дела, чем стандартный надзор за лицом, находящимся под домашним арестом» [34, с. 265].

Данная система создает дополнительные сложности, так как требует значительных ресурсов и усилий для осуществления контроля. В результате, как показывает практика, процессуальный надзор оказывается технически более сложным и запутанным, чем само расследование преступления. Это приводит к тому, что правоохранительные органы сталкиваются с множеством трудностей при реализации надзора, что может негативно сказаться на эффективности всей системы уголовного правосудия. Также это противоречит принципу процессуальной экономии, который на протяжении всей истории уголовного процесса служит важным ориентиром. Такой механизм явно не соответствует этой идее, что вызывает серьезные сомнения в его эффективности. Кроме того, существует риск, что обвиняемый сможет использовать мобильный телефон других лиц, проживающих с ним, что создает дополнительные сложности для контроля.

Таким образом, необходимость в создании более простых и эффективных механизмов надзора за домашним арестом становится очевидной. Это позволит не только улучшить контроль за соблюдением условий домашнего ареста, но и оптимизировать процессуальные затраты.

При исполнении домашнего ареста, сотрудники уголовно-исполнительных инспекций сталкиваются с рядом проблем, которые затрудняют исполнение меры пресечения.

Первой проблемой является загруженность сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, вследствие этого сотрудники физически не могут

часто посещать подучетных лиц по месту исполнения меры пресечения в целях эффективного ее исполнения. В таком случае, «будет достаточно усовершенствовать систему электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ), а также устранить нехватку комплектующего оборудования» [34, с. 265].

Следующей проблемой выступает место исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, так, в качестве наиболее часто назначаемого выступает место регистрации (постоянного жительства) осужденного. Однако такое помещение может быть, как его собственностью (в целом или долевым), так и может быть предоставлено ему по договору найма жилого помещения или договору безвозмездного пользования, то суд обязан учитывать и мнение, во-первых, лиц совместно проживающих с подсудимым, а также собственника такого жилого помещения, кем бы он ни был.

Так, например, в случае, если жилье предоставляется в найм, то собственник в праве и отказаться от такой перспективы, в виду чего договор может быть расторгнут, а подсудимому негде будет исполнять меру пресечения. Утаить факт исполнения на территории его жилого помещения от собственника не удастся, поскольку в обязанности суда входит направление ему сообщения, да и в целом, получение его письменного или устного согласия (если это возможно, например, если он присутствует в зале суда во время разбирательства). Между тем, если возникает ситуация, когда собственник помещения «против исполнения на его жилплощади меры пресечения, а другой нет, то фактически на лицо препятствие к исполнению меры пресечения в виде домашнего ареста, и суд вполне может назначить меру пресечения в виде заключения под стражу, либо любую другую, которая не будет сопряжена с изоляцией от общества, например, на залог или личное поручительство» [34, с. 265].

Можно предложить два подхода к решению проблемы, связанной с определением мест исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста.

Во-первых, целесообразно изменить формулировку термина «жилое

помещение» на более точное выражение – «помещение, допустимое для исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста». Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 указано, что жилым помещением может считаться как помещение, входящее в жилищный фонд, так и не входящее в него. Таким образом, новая формулировка была бы более корректной и способствовала бы устранению неопределенности.

Во-вторых, следует строго определить перечень помещений, которые могут использоваться для отбывания домашнего ареста, и сделать этот список закрытым. Такой подход является более оправданным, так как он позволит избежать разночтений и путаницы в правоприменительной практике. Четкое указание на допустимые помещения обеспечит большую ясность в вопросах, касающихся исполнения мер пресечения. Кроме того, необходимо предусмотреть норму, которая позволит в случае отсутствия подходящего помещения заменить меру пресечения в виде домашнего ареста на другую, что обеспечит гибкость в применении мер пресечения и позволит учитывать индивидуальные обстоятельства каждого конкретного случая.

Реализация первого варианта весьма проста и понятна, не требует дополнительных разъяснений. Со второй же все гораздо сложнее, а именно, требуется законодательно закрепить еще и то, что в качестве недопустимого условия избрания исследуемой меры пресечения выступает – отсутствие постоянного места жительства.

Интересной представляется точка зрения В.В. Самокаевой, которая предлагает иной, новый путь решения указанной проблемы. Так, по ее мнению, следует установить перечень лиц, которым в априори исследуемая мера пресечения не может быть назначена. Она предлагает исходить все из того же условия – наличие жилого помещения в собственности (полностью или в качестве долевого), кроме того место жительства должно совпадать с адресом такого жилого помещения. Допустимо применять, по ее мнению, и жилые помещения, переданные подсудимому в найм, однако только тогда,

когда «подсудимые предоставить суду нотариально заверенный договор аренды жилого помещения (важно, чтобы срок аренды перекрывал по продолжительности срок назначенной меры пресечения)» [34, с. 264]

Несмотря на внешнюю целесообразность указанной точки зрения, ее положительную практическую значимость можно оценить только лишь при более углубленном изучении, а также в ходе апробации.

Указанная проблема также дает нам основание определить и еще одну, которая вытекает из первой. Дело в том, что законодатель не закрепляет обязанности и соответствующего порядка получения письменного разрешения от родственников и близких подсудимого на то, что на их территории (жилой площади) будет исполняться мера пресечения. Однако с точки зрения их правового положения исполнение такой меры пресечения может нарушать неоправданно их права, хотя бы, например, тем, что инспектор уголовно-исполнительной инспекции будет периодически приходить с проверками, требовать дачи объяснений и прочее.

Решения вполне очевидное, законодателю следует закрепить в УПК РФ положение о том, что суд вправе привлекать родственников, близких подсудимого, а также иных третьих лиц к участию в судебном заседании, для того чтобы они могли дать свое согласие (отказать) на то, готовы ли они нести такие правовые ограничения вместе с подсудимым. В случае отказа мера пресечения должна быть заменена на другую. Такой порядок будет предупреждать жалобы от указанных лиц на нарушения их прав.

Следующей из выделенных проблем является тот факт, что на практике сложно ограничить общение подсудимого с переделенным кругом лиц, которые оказывают на него негативное влияние и препятствуют реализации целей назначения меры пресечения в виде домашнего ареста. Решение данной проблемы возможно несколькими способами:

- установив видеонаблюдение в жилом помещении, но такая мера нарушает не только конституционные права самого подсудимого, но и лиц с ним проживающих;

- проведение внеплановых проверок по месту жительства, но и такое решение приводит к нарушению конституционных прав иных, проживающие в помещении лиц. Тем более, что обнаружение запрещенных к использованию средств не дает суду оснований полагать, что они принадлежат и используются именно подсудимым, это может быть имуществом третьих лиц, в прочем и порядок использования выступает в качестве новой проблемы доказывания. Однако, если решать вопросы совместного проживания в рамках письменного соглашения, в соглашение такого рода можно включить обязанность дать согласие на опись устройств, с которых возможен выход в Интернет;
- следует разработать правовые основания, которые бы обязали операторов сотовой связи и Интернет-провайдером по запросам давать информации в виде справок о случаях и времени пользования аккаунтом, мессенджерами и прочими средствами связи.

Все вышесказанное может частично решить проблемы практического характера в организации и контроля за соблюдением запретов подсудимыми в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, однако имеется значительная нехватка технических средств в органах ФСИН, а также должного финансирования. Кроме того, «не следует сбрасывать со счетов и то, что уровень технического развития в России и мире прогрессирует, и возможно, в скором времени появляться необходимые технологии и правовое регулирование их использования значительно усовершенствуется» [2, с. 132].

Таким образом, для решения описанных выше проблем необходимо внести ряд важных изменений в существующее законодательство.

Во-первых, следует исключить неопределенное понятие «жилое помещение» и вместо этого установить четкий и исчерпывающий перечень таких помещений, которые могут использоваться для исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. Это позволит устранить правовую

неопределенность и обеспечить более точное применение норм права.

Во-вторых, необходимо закрепить за судом право привлекать к судебным заседаниям родственников, близких и других третьих лиц, проживающих совместно с подсудимым. Эти лица должны давать свое согласие на исполнение меры пресечения на своей жилой территории в письменной форме. Это не только повысит уровень ответственности данных лиц, но и обеспечит большее внимание к условиям, в которых будет исполняться домашний арест.

Кроме того, «важно предусмотреть, что участие родственников в контрольных мероприятиях будет обвязываться угрозой ответственности за возможные нарушения со стороны подсудимого. Это касается запретов на покидание места исполнения меры пресечения, а также на организацию запрещенных контактов с другими лицами или использование технических и коммуникационных средств связи» [14, с. 203].

Также следует рассмотреть возможность применения видеонаблюдения с предварительным разрешением родственников и сожителей. Это позволит обеспечить дополнительный уровень контроля и безопасности, что будет способствовать более эффективному исполнению мер пресечения.

Все это вполне могло бы сделать процесс исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста более эффективной, однако требуется не только финансирование казанных направлений, апробация таких инновационных способов и их соответствующее техническое сопровождение, но и расширении штатной численности уголовно-исполнительных инспекций, а также участковых уполномоченных полиции, которые могли бы эффективно содействовать и исполнению всех альтернативных санкций и мер, что опять-таки является результатом дополнительного финансирования за счет средств федерального бюджета.

Избежать части трат можно посредством установления запрета назначения домашнего ареста тем лицам, которые не имеют в собственности и не обладают официально правом пользования того или иного жилого

помещения (также в случаях отсутствия нотариально заверенного договора найма жилого помещения подсудимым, срок которого перекрывает срок меры пресечения).

В действующем законодательстве отсутствуют четкие предписания относительно того, какие действия следует предпринимать в случае установки устройств аудиовизуального контроля. Как отмечают исследователи, «если подозреваемый или обвиняемый отказывается от использования таких средств, это можно трактовать как нарушение условий исполнения меры пресечения, что может стать основанием для изменения этой меры. Вместе с тем, другие лица, проживающие вместе с подозреваемым или обвиняемым, имеют полное право не согласиться на установку устройства аудиовизуального контроля. В такой ситуации, сам подозреваемый или обвиняемый не будет формально препятствовать установке, что создает определенные сложности. Таким образом, невозможность эффективного исполнения меры пресечения не будет связана с нарушением обязанностей со стороны подозреваемого или обвиняемого, что в свою очередь означает, что отсутствие аудиовизуального контроля может привести к тому, что некоторые запреты, установленные для подозреваемого или обвиняемого, будут нарушены, и ни дознаватель, ни следователь, ни уголовно-исполнительная инспекция не смогут об этом узнать» [17, с. 182].

В данном случае, нет оснований для изменения меры пресечения на более строгую, так как на лиц, проживающих с подозреваемым, обвиняемым никакие обязанности не возлагались. Их частный интерес не может быть ущемлен в пользу публичного порядка. Данную ситуацию сложно назвать пробелом в праве, хотя формально признаки его присутствуют. Мера пресечения в виде домашнего ареста не подлежит изменению, и уголовно-исполнительная инспекция обязана осуществить контроль ее исполнения иными, предусмотренными порядком, действиями. Вместе с тем, исходя из публичных начал уголовного судопроизводства и учитывая, что «отказ лиц, проживающих с субъектом домашнего ареста на установку устройств

аудиовизуального контроля, является фактически условием для нарушения подозреваемым, обвиняемым условий домашнего ареста, обозначенная ситуация нуждается в дальнейшей нормативной регламентации» [17, с. 184].

При отсутствии возможности использования электронных и иных технических средств контроля за передвижением подозреваемого, обвиняемого, последний официально уведомляется о том, что в ночное время его не будут контролировать по месту проживания. Указанные нормы создают возможность для нарушения исполнения домашнего ареста. Инспекция, а также дознаватели или следователь смогут узнать о факт состоявшегося в ночное время нарушения лишь случайно.

Как отмечают исследователи, «еще одной правоприменительной сложностью в отношении домашнего ареста, является процедура доставления подозреваемого, обвиняемого к дознавателю и следователю. Не совсем ясно, почему подозреваемым или обвиняемым, которым назначен домашний арест с разрешением покидать место жительства для посещения учебных заведений или работы, запрещено самостоятельно являться по вызовам дознавателя или следователя. Это вызывает определенные вопросы» [14, с. 204].

Можно предположить, что законодатель имел в виду ситуации, когда подозреваемый или обвиняемый должен быть доставлен к дознавателю или следователю с помощью транспортного средства, предоставляемого Инспекцией (территориальным органом ФСИН России). Это могло бы быть оправдано в тех случаях, когда лицо полностью изолировано от общества, и в таких обстоятельствах самостоятельное появление подследственного в правоохранительных органах могло бы создать дополнительные риски. Тем не менее, это всего лишь гипотеза, которая не имеет четкой основы в действующем законодательстве. Отсутствие ясности в этом вопросе может приводить к путанице и неэффективному применению норм права. Важно, чтобы законодательные акты были сформулированы таким образом, чтобы исключить неоднозначности и предоставить четкие указания как для правоприменителей, так и для самих граждан.

Привязка при доставке субъекта домашнего ареста к дознавателю или следователю лишь транспортным средством Инспекции (территориального органа ФСИН России) и невозможность исполнения об этом соответствующего поручения могут сорвать проведение процессуальных действий (особенно таких трудоемких как опознание, очная ставка, предъявление обвинения, ознакомление с материалами дела). Все это может повлиять на сроки предварительного расследования в частности, и на разумность сроков расследования в целом.

Можно сформулировать общий вывод, что применение анализируемой меры пресечения сопровождается целым рядом проблем: пробелы и недостатки законодательства, финансовые и кадровые проблемы ведения контроля за арестованным, недостаточно регламентированный круг полномочий сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и т.п. Решение выявленных проблем видится в совершенствовании норм действующего законодательства, использования высокотехнологичных средств контроля и расширении круга полномочий сотрудников уголовно-исполнительных инспекций.

Заключение

Проведенное в данной выпускной квалификационной работе исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Анализ истории возникновения и развития домашнего ареста как меры пресечения показывает, что в дореволюционный и советский периоды отечественной истории домашний арест ассоциировался с лишением свободы, поскольку предусматривал постоянный надзор за обвиняемым в жилище. Данная мера пресечения не смогла стать востребованной и широко применяемой, а после принятия УПК РСФСР 1960 г. и вовсе была исключена из перечня мер пресечения. Значительное развитие институт домашнего ареста приобрел в период с 2002 г., его реформирование продолжается и в настоящее время, что объясняется наличием целого ряда правоприменительных проблем.

Сущность анализируемой меры пресечения заключается в ограничении прав и свобод обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления. Данная мера позволяет сохранить право проживания в собственном доме с определенными запретами и ограничениями. Место, где будет исполняться домашний арест, выбирается на основании судебного решения, при этом суд обязан учитывать состояние жилья, наличие возможных проблем и другие важные обстоятельства.

Домашний арест как мера пресечения имеет общие черты с другими институтами, предусмотренными отечественным законодательством. Домашний арест позволяет лицу, находящемуся под следствием, в большей степени сохранять свои права, особенно на этапе досудебного расследования. В целом, данная мера пресечения обеспечивает баланс между необходимостью ограничения свободы и уважением к правам личности.

Как показало проведенное исследование, применение домашнего ареста в Российской Федерации нередко сопровождается рядом проблем, основой из которых являются пробелы и недостатки законодательства, недостаточная

регламентация домашнего ареста. Решение этих проблем, безусловно, видится в разработке усовершенствования законодательства в данной сфере.

Так, по результатам исследования были сформулированы следующие проблемы, имеющиеся в регламентации применения института домашнего ареста, как меры пресечения:

- проблемным вопросом является низкое качество исполнения контроля возложенных судом запретов и ограничений на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений. Так, в действующем законодательстве не указано, каким образом уголовно-исполнительная инспекция должна осуществлять контроль за соблюдением установленных судом ограничений. В данной связи, необходимо внести изменения в действующий Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог, с целью детализации данных положений;
- при избрании домашнего ареста лицу, проживающему в частном домовладении, должностные лица, производящие расследование, и суд иногда не учитывают, что помещения для личной гигиены (туалет и баня) находятся на улице, в связи с этим возникали ситуации, когда на пульт оператора стационарного пульта мониторинга поступало сообщение о нарушении условий пребывания под домашним арестом, когда лицо пользовалось баней или туалетом. Изложенное позволяет сформулировать предложение о дополнении ст. 107 УПК РФ частью 3.1 в следующей редакции: «Следователь, дознаватель, перед возбуждением ходатайства об

- избрании домашнего ареста в отношении подозреваемого или обвиняемого перед судом, или суд, избирая домашний арест по собственной инициативе, производят осмотр жилого помещения или иного места, избранного для содержания под домашним арестом, с целью удостоверения в том, что оно пригодно для проживания и в нем есть необходимые условия для исполнения домашнего ареста»;
- в законодательстве необходимо установить требование о том, что перед применением меры пресечения в виде домашнего ареста должно быть обязательно выяснено мнение собственника жилья, а также других лиц, проживающих в данном жилом помещении. Это условие является важным, поскольку несогласие собственника или других жильцов с нахождением под арестом лица в их доме должно служить основанием для выбора другой меры пресечения, отличной от домашнего ареста. С учетом вышеизложенного, представляется целесообразным внести изменения в ст. 107 УПК РФ, добавив к ней новую ч. 1.1 следующего содержания: «Если в жилом помещении, где предполагается применение домашнего ареста, помимо подозреваемого или обвиняемого проживают и другие лица, суд обязан выяснить их согласие на применение данной меры пресечения. В случае, если хотя бы одно из этих лиц не согласится с нахождением под арестом, суд должен выбрать иную меру пресечения».

Список используемой литературы и используемых источников

1. Александрова О.П. Исторические аспекты правового регулирования домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России и современная практика его применения // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия. Сборник материалов научно-практической конференции. – Псков, 2020. С. 15-21.

2. Балиева З.Ш. Актуальные проблемы исполнения домашнего ареста и пути их решения // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке. Сборник материалов научно-теоретической конференции. – Ростов-на-Дону, 2021. С. 128-134.

3. Бондаренко И.Е. Процессуальные и организационные проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Правовое образование: сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону, 2021. С. 149-160.

4. Васильев С.В. История домашнего ареста в уголовном судопроизводстве // Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты. Сборник материалов научно-практической конференции. – Новосибирск, 2021. С. 36-38.

5. Васильев С.В. Проблема применения запретов при реализации меры пресечения в виде домашнего ареста // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы. Сборник материалов научно-практической конференции. – Новосибирск, 2022. С. 21-23.

6. Геранин В.В., Мальцева С.Н. Домашний арест: понятие и правовая природа // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2023. № 4. С. 30-35.

7. Горбатов И.М. К вопросу оснований и условий избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 4. С. 57-64.

8. Горбатов И.М. Место домашнего ареста в системе мер пресечения // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: сборник научных трудов. – М., 2024. С. 210-215.
9. Диваев А.Б. Меры пресечения в уголовном процессе: теоретические основы. – Новокузнецк, 2020. – 158 с.
10. Дюзбаева К.Т. Домашний арест: проблемы законодательного регулирования и практического применения // Вестник науки. 2024. № 6. С. 364-367.
11. Емельянова Н.Ю. Актуальные вопросы домашнего ареста в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития. Сборник научных трудов Всероссийской конференции. – М., 2021. С. 283-284.
12. Измаилов Х.Б. Проблемы осуществления контроля при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке. Сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции. – Ростов-на-Дону, 2021. С. 153-157.
13. Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб, 1868. 316 с.
14. Кожемякина А.С. О проблемных вопросах применения домашнего ареста // Проблемы становления гражданского общества. Сборник статей научной конференции. Иркутск, 2021. С. 202-205.
15. Кузнецова Ю.В. К вопросу об основаниях избрания меры пресечения в виде домашнего ареста: проблемы теории и практики // Социально-правовые преобразования в современной России: сборник трудов научно-исследовательской конференции. – Ростов-на-Дону, 2022. С. 479-483.
16. Макеева И.В. Основания и условия избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право. Сборник статей. – М., 2022. С. 385-390.

17. Матерухина Д.С. Проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста в уголовном процессе // Молодой исследователь: вызовы и перспективы. Сборник статей научно-практической конференции. – М., 2024. С. 180-185.

18. Небратенко Г.Г., Харзинова В.М. Актуальные проблемы наложения запретов и ограничений при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 4. С. 52-59.

19. Попова Н.В. Домашний арест: исторические аспекты // Современная юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики. Сборник статей научно-практической конференции. – Пенза, 2023. С. 77-79.

20. Постановление Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 15 ноября 2023 г. по делу 1-332/2023 // СПС Консультант Плюс.

21. Постановление Воронежского областного суда от 24 мая 2021 г. по делу № 1-348/2021 // СПС Консультант Плюс.

22. Постановление Ленинского районного суда г. Комсомольска-на-Амуре от 10 ноября 2021 г. по делу № 1-384/2021 // СПС Консультант Плюс

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» (с изменениями на 11 июня 2020 г.) // Российская газета. 2013. 27 декабря.

24. Постановление Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 21 июля 2022 г. по делу 1-112/2022 // СПС Консультант Плюс.

25. Постановление Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 15 июня 2023 г. по делу № 1-265/2023 // СПС Консультант Плюс.

26. Постановление Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 11 мая 2022 г. по делу № 1-88/2022 // СПС Консультант Плюс.

27. Постановление Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 3 апреля 2024 г. по делу № 1-33-2/2024 // СПС Консультант Плюс.

28. Постановление Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 20 июля 2023 г. по делу № 1-121/23 // СПС Консультант Плюс.

29. Постановление Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 30 сентября 2023 г. по делу № 1-381/23 // СПС Консультант Плюс.

30. Постановление Череповецкого районного суда Вологодской области от 5 июня 2023 г. по делу № 1-111/23 // СПС Консультант Плюс.

31. Постановление Шекснинского районного суда Вологодской области от 21 марта 2022 г. по делу № 1-158/22 // СПС Консультант Плюс.

32. Решение Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 11 мая 2023 г. по делу 1-176/23 // СПС Консультант Плюс.

33. Рязанцева Е.Г., Рядинская М.Н., Лукьянчикова Е.Ф. Домашний арест как мера пресечения: проблемы теории и практики // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт. Сборник трудов научно-практической конференции. – Белгород, 2023. С. 312-316.

34. Самокаева В.В. Практические проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5. С. 263-265.

35. Седых Т.В. Домашний арест в системе мер пресечения: учебное пособие. Ставрополь, 2023. 118 с.

36. Тарабукина А.В. История развития меры пресечения в виде домашнего ареста в отечественном законодательстве // Научные достижения в XXI веке: сборник научных трудов. Анапа, 2021. С. 33-39.

37. Тыжинов А.А. Проблемные вопросы применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. Ханты-Мансийск, 2021. С. 229-233.

38. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изменениями на 29 мая 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

39. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями на 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 26. Ст. 2458.

40. Федоров В.А. Проблемы и перспективы развития правового регулирования домашнего ареста // Право и правосудие в современном мире: актуальные проблемы уголовного, уголовно процессуального, международного и экологического права. Сборник научных статей. – Санкт-Петербург, 2020. С. 160-163.

41. Часовникова О.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном судопроизводстве РФ // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 4. С. 194-200.

42. Щербакова Ю.А. Домашний арест в отечественном уголовном судопроизводстве: актуальные проблемы правоприменения // Проблемы совершенствования российского законодательства: сборник тезисов научной конференции. Барнаул, 2024. С. 245-248.